

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1600—1850)

Аннотация. Статья посвящена методологическим особенностям правовой мысли и юридической науки в Новое время (ок. 1600—1850). Новое время — поворотный момент не только в истории всей мировой цивилизации, но и в истории философского знания и позитивных наук, а в равной мере и в истории методологии, возникающей и функционирующей на стыке философии и науки. Методология является философской дисциплиной, устанавливающей эффективные методы, подходы, способы познания и формирующей инструментарий, необходимый для осуществления научных исследований, в том числе и в кругу юридических наук. Основная задача методологии заключается в организации и регулировании познания в качестве целенаправленного процесса получения и обработки новых и достоверных научных фактов. Особое значение Нового времени для развития методологии заключается в том, что именно на этом историческом этапе были выработаны принципиальные основы методологической матрицы научного познания, поскольку наука обретает тогда функции планомерного и систематического производства знаний на основе всестороннего эмпирического исследования данной в чувствах действительности. Новое время дает импульс к формированию научного познания современного типа, которое приобрело институциональный характер и промышленный размах и стало важнейшим внеэкономическим фактором промышленной революции на Западе, открывшей дорогу научно-техническому прогрессу и индустриальному производству Новейшего времени. Новое время явилось тем периодом, когда благодаря теоретическим усилиям мыслителей и правоведов в общих чертах сложился тот методологический базис юриспруденции, который продолжает существовать и на современном этапе ее развития. Тогда же было положено начало формированию отдельных юридических дисциплин: философии права, энциклопедии права, несколько позднее — общей теории права, а также теоретического аспекта отдельных отраслевых дисциплин. В контексте методологии юриспруденции хорошо различимы две противоположные тенденции, конкурентно сосуществовавшие в философском дискурсе Нового времени, — рационалистический и эмпирический подходы. Методологическая матрица юриспруденции, претерпевшая воздействие со стороны как рационалистической, так и эмпирической эпистемологии, обогащается использованием многих методов, ряд которых был известен еще со времен Античности, однако не находил применения в сфере юридической науки. Таким образом, настоящая статья освещает довольно неоднозначную проблему методологических оснований когнитивной сферы юриспруденции Нового времени.

© Галкин И. В., 2018

* Галкин Иван Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

galckynvanya@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ключевые слова: гражданское общество, естественное право, исторический метод, логический метод, методология, Новое время, общественный договор, правовое государство, принцип свободы, принцип справедливости, системный подход, сравнительно-правовой метод.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.023-042

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Юридическая наука, формирование которой началось еще в античное время, на всем протяжении своего исторического развития находилась в тесной связи с самым широким кругом гуманитарных знаний, оказывавших существенное влияние на методологическую матрицу юриспруденции. Отметим, что период Средневековья, считающийся в исторической традиции не слишком плодотворным для развития научного познания, явился довольно благополучным для правовой мысли и юридической науки, которые обогатились методологическими приемами формальной логики и схоластики, непосредственно произрастающими из обширного наследия античного перипатетизма, взаимодействовавшего с элементами христианской теологии. Новое время (ок. 1600—1850) отмечено качественно возросшей интенсивностью взаимодействия юриспруденции и философии, осуществлявшегося в контексте нарастающего процесса общей секуляризации философского и научного познания. Наиболее интенсивное влияние на юридическую науку неизменно оказывала философия, одной из важнейших функций которой была углубленная разработка *методологии* познания не только для расцветавших в Новое время дисциплин естественно-научного цикла, но и для нарождавшихся в этот период гуманитарных наук. Фактическим доказательством постоянного и плодотворного взаимодействия и взаимного обогащения философии и юриспруденции становится выделение философии права — синтетической дисциплины, долгое время выполнявшей методологическую функцию по отношению к юридическим наукам, пока эта функция постепенно не перешла преимущественно к «чисто юридической» теории права.

Наступление Нового времени было ознаменовано процессом эмансипации науки и философии от теологии, с одной стороны, а также постепенным расхождением когнитивных интересов философии и науки — с другой. Гу-

манисты Ренессанса развернули масштабную критику умозрительной схоластики и перипатетизма как ее методологического ядра; под знаменем этой критики происходила постепенная секуляризация научной и философской мысли. Уместно напомнить, что, по мнению гениального художника, а в равной мере и выдающегося естествоиспытателя Возрождения Леонардо да Винчи (1452—1519), истинной наукой является только та, которую опыт заставил пройти сквозь чувства. Вольнодумный и чувственный пафос Ренессанса довольно скоро сменяет суровый, аскетический этос Реформации — так протестантская этика оборачивается принципиальной частью идеологического фундамента современной западной цивилизации. «Предоставив дело спасения души “одной лишь вере”, протестантизм тем самым вытолкнул разум на поприще мировой практической деятельности — ремесла, хозяйства, политики. Применение разума в практической сфере тем более поощрялось, что сама эта сфера, с точки зрения реформаторов, приобретает особо важное значение: труд выступает теперь как своего рода мирская аскеза, поскольку монашескую аскезу протестантизм не принимает. Отсюда уважение к любому труду — как крестьянскому, так и ремесленному, как деятельности землекопа, так и деятельности предпринимателя. Этим объясняется характерное для протестантов признание особой ценности технических и научных изобретений, всевозможных усовершенствований, которые способствуют облегчению труда и стимулированию материального производства»¹.

Тем не менее в процессе исторического развития буржуазного общества религиозная идеология протестантизма (как ранее католичества) неизбежно становится существенной помехой на пути новой светской идеологии, зревавшей в лоне европейской цивилизации. Процесс широкомасштабной секуляризации общественных институтов Западной Европы дает сильный импульс для развития светской

¹ Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000. С. 8.

философии Нового времени, продолжавшей свое неуклонное высвобождение от тенет идеологического воздействия теологии. Философы почувствовали себя достаточно самостоятельными и сильными, чтобы предложить миру собственное решение «проклятых» вопросов человеческого бытия, не прибегая при этом к посредству религиозных догм и схоластической метóды. Французский мыслитель кануна Просвещения Пьер Бейль (1647—1706), один из зачинателей критического направления в европейской философской мысли, переформулировал известный тезис средневековых схоластов в том смысле, что философию надо рассматривать как царицу, а теологию лишь как ее служанку². В исторической перспективе секуляризация философии оказалась предпосылкой эмансипации научного познания, обладающего своим особым когнитивным аппаратом, особенности которого заключаются в несхожести методологий философии и науки. Базовым методом познания философии со времен Аристотеля оставался дедуктивный метод формальной логики; фундаментальным методом новой, эмпирической науки становится вырастающий на основе элементарных процедур наблюдения, измерения и описания индуктивный метод, когнитивная ценность которого в полной мере впервые была осознана и теоретически обоснована Ф. Бэконом. Однако методологическая ситуация в Новое время сильно осложнялась проникновением в научное познание элементов методологии философского рационализма, получившего последовательное выражение в методологических работах Р. Декарта, и обновленный им дедуктивный метод начинает конкурентно взаимодействовать с эмпирической индукцией Ф. Бэкона.

§ 1. Классическая философская и научная методология: исследовательские «проекты» Бэкона и Декарта. Научная (механистическая) картина мира

1.1. В начале Нового времени догматическая философия переживала свой исторический зенит, выдвинув на авансцену немалое число выдающихся мыслителей. Френсис Бэ-

кон (Веруламский) (1561—1626) и Рене Декарт (Картезий) (1596—1650) встали в авангарде новой, светской по своей сущности и подходам философии, предложив оригинальные *методологические программы* когнитивной деятельности, которые стали исследовательскими алгоритмами для многих поколений ученых, во многом не утратившими актуальности и сегодня. Более того, именно проблема адекватной методики познания оказывается в фокусе философских и научных интересов Бэкона и Декарта, которых следует рассматривать как основоположников современной научной методологии³.

Эмпирический проект Бэкона, изложенный философом в трактате «Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы» («*Novum Organum Scientiarum*», 1620), вступает в заочную полемику с перипатетизмом и схоластикой, предлагая методику научного познания на основе исследования фактических сведений об окружающем мире. «Новым Органоном» Бэкон называл *индуктивный метод* познания, противопоставляемый английским мыслителем «старому органону», т.е. построенной еще Аристотелем системе формальной логики, основанной на методе дедукции. Бэкон полагал, что важнейшим условием прогресса человеческих знаний является необходимость усовершенствования способа обобщения и образования понятий, а именно таким способом обобщения понятий и является индукция, сущность которой состоит в восхождении познания от частных, единичных фактов к обобщениям все более высокого порядка. Бэкон не открыл индуктивный метод (известный Античности и описанный еще Аристотелем), но первым указал на ту универсальную роль, которую должна сыграть индукция в новой, экспериментальной, опирающейся на опыт науке. «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте», — так утверждал Ф. Бэкон, выступая провозвестником современного эмпирического и позитивного (базирующегося на фактах) научного мировоззрения⁴.

Рене Декарт выступил создателем альтернативного *рационалистического* проекта

² См.: Бейль П. Исторический и критический словарь : в 2 т. М., 1968. Т. 2. С. 270.

³ Это прямо следует из наименований и содержания их основных сочинений: «Новый Органон», «Правила для руководства ума», «Разыскание истины посредством естественного света», «Рассуждение о методе».

⁴ Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. : в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 35.

методологии, являвшегося в ряде аспектов комплементарным эмпирическому проекту Френсиса Бэкона. В работе «Рассуждение о методе» («Discours de la Methode», 1637) Декарт намечает программу широкомасштабной научной реформы, суть которой заключается в признании ничтожным всякого утверждения, не могущего ясно и очевидно (аподиктически) быть доказанным. Руководствуясь своими рационалистическими воззрениями, Декарт создает целостное учение о методе, основой которого становятся четыре правила:

- 1) ясность и отчетливость познания, не вызывающие никаких сомнений;
- 2) разделять всякий исследуемый вопрос на столько частей, сколько требуется для лучшего его понимания;
- 3) мыслить по порядку, начиная с вещей наиболее простых и постепенно поднимаясь до самых сложных;
- 4) полнота исследования — нельзя упускать ничего существенного⁵.

Ядром картезианской методологии становится *дедуктивный метод* познания. Для когнитивной действенности этого метода необходимы как интуиция, с помощью которой усматриваются первые начала (принципы), так и дедукция, позволяющая получать следствия из них. Декарт абсолютизировал значение дедуктивного метода, полагая, что с его помощью можно логически вывести практически все знания о мире. Философ был убежден, что всякая наука должна быть основана на особой метафизике, представляющей собой систему ясных и самоочевидных для ума истин, не нуждающихся в каком-либо доказательстве, помимо отчетливого понимания познающим субъектом. Ярчайший пример такой самоочевидной и достоверной истины являет знаменитый принцип Картезия «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую»), ибо даже сомнение в этом случае будет подтверждением наличия самого акта мышления, а значит — существования.

В Новое время получают сильный импульс и новый вектор развития *метафизика* и *диалектика*, которые со временем приобрели статус всеобщих философских методов. Метафизическое миропонимание достигает своего зенита в онтологических концепциях великих философов-метафизиков XVII в.: Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница. Эти мыслители

вели дискуссию о сущности *субстанции*, т.е. о том первоначале, которое лежит в основе всего вечно движущегося и изменяющегося мироздания, но само вечно пребывает неподвижным и не подверженным изменениям. В *дуалистической* философии Декарта была сделана попытка объяснить соотношение бытия и сознания, души и тела наличием двух субстанций: мышления и протяжения, причина существования и развития которых — трансцендентный Бог. В *монистической* системе Спинозы декартовы субстанции несколько «понижаются в статусе», преобразуясь в основные атрибуты единой субстанции, являющейся причиной самой себя (*causa sui*) и воплощающейся во множестве изменчивых модусов вещественного мира, вобравшего в себя имманентного субстанции Творца (пантеистическое *Deus sive natura*). Лейбниц постулирует *плюралистическую* сущность субстанции, представляющую собой потенциально бесконечное множество монад, являющихся своеобразным живым зеркалом Вселенной и находящихся в предустановленной их предвечным Творцом гармонии. Метафизический подход дает возможность рассмотреть за множеством склонных к постоянному обновлению и изменению партикулярных вещей или явлений некие инварианты, отражающие неизыблемость основы мира, т.е. его субстанции. постижение субстанции было у метафизиков, по сущности, интеллигибельным и позволяло достичь в акте интуиции (*lumen naturale intellectus* Декарта) абсолютной истины, совершенно недоступной для познания другими средствами (формальной логикой, математикой, экспериментами и т.п.).

Свое наивысшее развитие диалектика и как учение, и как метод получает в творчестве одного из крупнейших мыслителей в истории человечества — Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831). Непреходящая заслуга Гегеля заключается в том, что он подверг критике метафизический метод познания и обосновал необходимость применения в частных науках диалектического метода, в основе которого лежит идея развития путем преодоления противоречий (закон борьбы и единства противоположностей). Диалектика как единство метода, логики и теории познания не отбрасывает в сторону эмпирическое содержание частных наук, но преобразует его в собствен-

⁵ См.: Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. М., 1950. С. 272.

ное содержание. В своих важнейших произведениях («Феноменология духа», 1807, «Наука логики», 1812—1816, «Энциклопедия философских наук», 1817) берлинский мыслитель всесторонне разрабатывает систему диалектической логики, приходящей на смену логике формальной и позволяющей уяснить основные моменты развертывания абсолютной идеи. Методологическим ядром диалектической логики является закон отрицания отрицания (закон диалектического синтеза), утверждающий прогрессивный характер мирового развития и воплощающийся в «триаде» (тезис — анти-тезис — синтез). Окончательной целью познания абсолютной идеи человеком является (согласно закону перехода количества в качество) осуществление скачка из царства необходимости в царство свободы. Поскольку Гегель верил в прогресс и роль высшего провидения в истории, в финале которой торжество свободы будет означать торжество разума, то вся его философия истории становится выражением провиденциализма. Крепкая вера мыслителя в объективный характер исторического процесса приводила его порой к имморализму, ибо Гегель утверждал, что во имя прогресса «великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути»⁶. Более того, совокупный опыт человечества недвусмысленно свидетельствует, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно тем поучениям, которые можно было бы извлечь из нее⁷. Диалектика Гегеля (отечественный мыслитель А. И. Герцен называл ее «алгеброй революции») в идеалистической форме утверждает ту идею эволюции природы и общества, которая в XIX в. получит дальнейшее развитие в позитивизме О. Конта и Г. Спенсера, в термодинамике Р. Клаузиуса, в электродинамике Дж. Максвелла, в эволюционном учении Ч. Дарвина. Кроме того, философская система Гегеля — это, пожалуй, важнейший методологический источник социально-экономической доктрины диалектического материализма, созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

1.2. На протяжении Нового времени философская мысль продолжала обогащать и методологический инструментарий научного

познания. Приверженец *эмпиризма* Ф. Бэкон разрабатывает оригинальную классификацию наук, которая основывается на различении способностей человеческого познания: память лежит в основе естественной и гражданской истории; воображение — в основе поэзии; математика, естествознание и философия опираются на рассудок. Бэкону принадлежит крылатый афоризм «*Knowledge is power itself*», в котором нашла ясное выражение практическая направленность научного познания Нового времени, определившая облик методологии не только на эмпирическом уровне познания, но и на уровне теоретическом. Торжество естественно-научного знания породило надежды на то, что наука с ее опорой на факт и индуктивный метод является тем единственным и всемогущим инструментом, с помощью которого будут разрешены все проблемы человечества. Для науки Нового времени характерно прагматическое отношение к природе как к важнейшему объекту пытливого постижения натурфилософами. Этот эмпирический подход был превосходно выражен И. С. Тургеневым в хорошо известной сентенции Евгения Базарова о том, что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»⁸.

Эмпирическое, экспериментальное постижение природных феноменов есть именно *испытание*, своеобразная «пытка» природы, уподобленная инквизиционному дознанию, с целью выведать тайны мироустройства и узнать его базовые законы и закономерности. Такое испытание могло обрести действенность только в рамках той *субъектно-объектной парадигмы* познания, в которой активно познающий, а затем и преобразующий действительность субъект-индивидуум ясно осознает свое когнитивное противопоставление объекту-природе. Дальнейшее развитие субъектно-объектного раздвоения в перспективе должно привести к господству субъекта-человека над объектом-природой, претерпев глубокие преобразования в интересах человечества. «Разделение на субъект и объект — факт многозначительный. Во-первых, он проясняет глубинные основания западной науки. Во-вторых, он раскрывает особенности *западного образа мышления в целом*. Эти особенности наиболее

⁶ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 84.

⁷ См.: Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 61.

⁸ Тургенев И. С. Отцы и дети // Классики и современники. Русская классическая литература. М., 1985. С. 166.

ярко обнаружили себя именно в Новое время. Переход к мышлению по принципу “субъект-объект” означал новую ориентацию и самоориентацию человека в мире и, в конечном итоге, новый способ существования⁹. Однако некоторые мыслители Нового времени (Гегель, Шеллинг) ясно осознавали опасность разобщения субъекта (человеческого духа) и объекта (внешнего мира) чреватого разрушением целостности человеческого духа, и выдвигали тезис о *тождестве* субъекта и объекта с целью преодоления их взаимного отчуждения. Субъект познания должен поставить себя на место познаваемого объекта, «слиться» с ним и обратиться тем субъектно-объектным тождеством, в котором субъект и объект предстанут не внешнеположенными по отношению друг к другу, а взаимопроникающими друг в друга.

Декарт как представитель *рационализма* выделяет два основных способа усмотрения необходимых и всеобщих истин: *интеллектуальную интуицию* как непосредственное понимание ясного ума, настолько легкое и отчетливое, что не оставляет никакого сомнения, и *дедукцию*, т.е. логический вывод, с необходимостью вытекающий из посылок. Итогом взаимодействия интеллектуальной интуиции и логической дедукции оказывается научная теория как стройная совокупность тесно взаимосвязанных и непротиворечивых теоретических положений. Рационалистический подход позволяет постигать бытие средствами науки классического типа, т.е. такого типа знания, который основывается на каузальном (причинно-следственном) объяснении, а также на применении математики. Опираясь на математический метод, Декарт выдвигает идею *mathesis universalis* как синтетической науки обо всем сущем, в основе которой лежит путь рационалистической дедукции от общих, добытых путем анализа положений к частным следствиям из них. Математика служит для Декарта универсальной отраслью знаний, поскольку она свидетельствует о «естественном свете разума», которым высвечивается самоочевидная истина, доступная человеческому познанию. Теоретическое познание, открывающее и обосновывающее новые истины, предполагает систематическое применение методов рационального мышления, жестко

регулируемых формальной логикой и математикой, составляющих основу рационалистической методологии. В результате эволюционного развития классической науки «была создана последовательная методология эксперимента и математического анализа, последовательный метод, с помощью которого можно было рано или поздно взяться за решение любой проблемы. Основы науки могли быть позднее пересмотрены и изменены, однако воздвигнутое на них сооружение было прочным. И, что еще важнее, общий метод для построения его был теперь известен и уже не подвергался угрозе быть когда-либо снова забытым»¹⁰.

Однако не следует и переоценивать действительную методологическую эффективность *mathesis universalis*, находившей себе приложение в кругу общественных наук Нового времени, ибо для глубокой математизации методов гуманитарного знания отсутствовали должные предпосылки, и ее время было еще впереди. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести методологические принципы политических и юридических работ Гуго Гроция или Томаса Гоббса, в творчестве которых математические либо механистические подходы обладают скорее чисто внешним характером систематического («геометрического») способа изложения материала, а не значением подлинного и эффективного исследовательского метода. «В Новое время превосходство точности естественно-научных методов перед познавательными приемами общественных наук породило стремление сблизить социальные и естественные науки. Однако сама идея приложения универсальной математики к области социальных явлений не была однозначно воспринята в политико-правовой теории. Проследив основные вехи поиска научной методологии в учениях известных философов и теоретиков права и государства XVII века, можно предположить, что это перенесение методов скорее было данью научной моде»¹¹.

В результате масштабного развития методологической матрицы научного познания Новое время было ознаменовано постепенным формированием первой в истории подлинно *научной картины мира* (НКМ). НКМ осуществляет *обобщенное* видение предмет-

⁹ Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. М., 2000. С. 204.

¹⁰ Бернал Д. Наука в истории общества. М., 1956. С. 276.

¹¹ Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. С. 18.

ных областей отдельных наук, позволяющее сравнивать различные аспекты исследуемой реальности, находить в них общие черты и идентифицировать их, рассматривая в единстве. Такое видение определяет общенаучная картина мира, которая интегрирует представления о предметах различных наук, формируя на основе их достижений целостный образ Вселенной, включающий в себя представления о неорганическом, органическом и социальном мире и их связях. *Механистическая НКМ* — первая в истинном смысле слова *научная* картина мира в истории цивилизации, созданная целенаправленными усилиями выдающихся ученых на основе научных фактов, гипотез и теорий. Н. Коперник, И. Кеплер, Г. Галилей, Х. Гюйгенс, Р. Бойль, Р. Гук, И. Ньютон — вот, пожалуй, подлинные творцы и основоположники механистической НКМ. Методологической базой механицизма оказалось широчайшее использование математического метода познания, прикладной характер которого нисколько не умаляет его значения для развития науки, поскольку математический метод обогатил всеобщую методологию и давно приобрел статус междисциплинарного.

Механистическая НКМ господствовала в европейском естествознании на протяжении XVII—XIX веков и стала фундаментом «классической» науки, методологическую матрицу которой характеризуют следующие черты:

- 1) отстраненность субъектно-объектных отношений, ибо субъект (человек) находится вне объекта (природа) и не оказывает на него существенного влияния, лишь наблюдая за объектом «как, если бы человека не существовало»;
- 2) познавательная установка на рациональное объяснение мира;
- 3) господство динамических закономерностей, поскольку движение — основной атрибут материи: движение приводит к упорядоченности, а хаос всегда статичен;
- 4) основным объектом исследований выступают преимущественно макромир (сравнимый по величине с размерами человеческого тела и доступный для восприятия органами чувств) и его закономерности;
- 5) эмпирическая установка на экспериментальную науку;
- 6) безусловная наглядность объектов исследования;
- 7) наличие четкой грани между естественными и гуманитарными науками;

- 8) дисциплинарная организация научного знания (астрономия, физика, химия, биология, геология, история, экономика, социология, юриспруденция и др.) и преобладание дифференциации наук над их синтезом.

Широкое общественное признание науки в Новое время подчеркивается процессом *этатизации* научных институтов, когда вместо средневековых университетов, с их «академическими вольностями», организуются контролируемые и финансируемые государством академии наук и вольных искусств: Лондонское королевское общество (1662), Парижская академия наук (1666), Берлинская академия наук (1700), Петербургская академия наук (1724). В этот период наука, освободившаяся из-под опеки церкви, получает возможность широкого внедрения эмпирических исследований, что было ознаменовано созданием государственных обсерваторий в Париже (1672) и Гринвиче (1675). Продолжается начавшийся еще на излете Средневековья широкомасштабный процесс организации экспедиций, способствовавший открытию новых земель и континентов, не известных Западу культур и цивилизаций, приведший к накоплению колоссального эмпирического материала в естественных и общественных науках. Несколько позднее возникают специализированные высшие учебные заведения индустриального типа: Парижское (1747) и Петербургское (1773) горные училища, Королевское общество агрикультуры в Париже (1761), Горная академия во Фрейбурге (1765), Парижская политехническая школа (1794). Примерно в это же время научные журналы начинают вытеснять частную переписку ученых в качестве важнейшего средства коммуникации представителей научного сообщества, а национальные языки довольно скоро сменили привычную латынь — эту *linguam franca* средневековой науки.

Столь масштабная реорганизация профессионального научного образования, вызвавшая увеличение числа специалистов во всех отраслях знаний, стала одной из важнейших предпосылок интенсивного развития техники и перехода общества к периоду индустриального развития. Научно-технический прогресс (НТП), смены этапов которого сопровождаются научно-техническими революциями (НТР), является одной из черт Нового времени, качественно отличающей его от предыдущих эпох, поскольку техника выступает важнейшим средством производства и ее достижения стано-

вятся главным индикатором уровня развития цивилизации. Первая НТР в истории человечества была непосредственно связана с изобретением англичанином Джеймсом Уаттом (1736—1819) паровой машины и ее широким внедрением в промышленность и транспорт, происходившим во второй половине XVIII — начале XIX в. в Великобритании, а несколько позднее и в других промышленно развитых странах. Приблизительно к 1850 г. начинается индустриальная эпоха в Западной Европе, приведшая к качественному техническому перевооружению промышленного производства, с началом чего можно отсчитывать время наступления Новейшей истории.

§ 2. Юридическая наука и правовая мысль в Новое время. Формирование философии права

Наступление Нового времени сопровождалось серией принципиальных инноваций в сфере гуманитарных наук, в том числе и юриспруденции, в процессе развития которой происходил постоянный отбор необходимых методологических средств. В первую очередь следует отметить такое важное событие, как выделение философии права в отдельную дисциплину, ставшую смежной областью права и философии. *Философия права* с помощью дедуктивного метода выстраивает учение о праве, ориентируясь на желательный для конкретного мыслителя идеал: правовой, политический, общественный, персональный, этический, религиозный и т.п. Кроме того, философия права — это наивысшая доступная нам степень абстракции в праве. Закономерно, что появление философии права, а позднее и теории права, происходит практически синхронно с переходом самой правовой материи от казуистического состояния к абстрактному состоянию. В этот же период в континентальном праве начинается формирование и обособление теоретических и отраслевых юридических наук, связанное с началом отраслевого деления внутри публичного и частного права. В процесс становления и развития философии права (а также формировавшейся теории права) внесли свой заметный вклад как выдающиеся мыслители, так и наиболее авторитетные правоведы той эпохи: Ф. Суарес, И. Альтузий, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Пуффендорф, Хр. Томазий, Хр. Вольф, Ш.-Л. де Монтескье,

И. Кант, И.-Г. Фихте, Г.В. Ф. Гегель. До сих пор отнюдь не потерял актуальности вопрос о том, чьей сферой компетенции является философия права — философов или юристов? Компромиссное решение может быть следующим: *философией права* занимаются преимущественно философы, в то время как *теория права* является областью исследований для специалистов в сфере юриспруденции. Следует отметить, что на протяжении Нового времени появляются универсальные энциклопедии права, консолидировавшие массив накопленных фактических сведений в сфере юриспруденции и систематизировавшие правовые знания своей эпохи. «*Энциклопедия права* представляет собой краткий очерк содержания всех юридических наук в совокупности. Возникают они в XVI—XVII вв. преимущественно в Германии, где выходило в свет много произведений методологического и систематического характера и назначения, охватывающих разные отрасли и системы частного и публичного права»¹².

На рубеже XVI—XVII вв. выдающийся германский ученый, знаток римского права, теоретик права и крупный политический мыслитель («отец современного федерализма» и один из создателей теории общественного договора) Иоганн Альтузий (ок. 1557—1638) развивал в своих политических и юридических работах достижения французских мыслителей и немецких пандектистов. Альтузий, являясь представителем линии политического реализма, находился под ощутимым влиянием методологических приемов «китов» прогрессивной французской политической и философской мысли XVI в. — Ж. Бодена и П. Рамуса (P. de la Ramee). Из трудов Рамуса по формальной логике Альтузий воспринял системный подход, который стал методологической и структурообразующей основой его известнейших научных работ «Политика» («Politica methodice digesta, atque exemplis sacris et profanis illustrata», 1603) и «Три книги науки о праве» («Dicaeologica libri tres, totum et universum Jus», 1617). У Бодена Альтузий заимствовал идею суверенитета, неделимого по сущности и заключающегося прежде всего в законодательной деятельности публичной власти, хотя в федералистской трактовке германского ученого суверенитет может принадлежать только крупным политическим ассоциациям (народам, землям, государствам), а не партикулярным властите-

¹² Фролова Е. А. Проблемы теории и философии права : монография. М., 2015. С. 34.

лям — монархам или аристократам¹³. Трактат «Политика» — один из наиболее ранних источников федералистских концепций Нового времени, излагающий корпоративный вариант теории общественного договора (концепция «политических симбионтов»), субъектами которого выступают значительные политические общности, объединяющиеся в результате заключения договора в федеративные государства. Объектом теоретического анализа для Альтузия была Священная Римская империя, представлявшая собой скорее пеструю и довольно рыхлую конфедерацию «лоскутных» княжеств, чем подлинную федерацию суверенных государств, и этот сепаратизм только усугублялся религиозным противостоянием католических и протестантских земель Германии. «Продолжая рамиистский метод логической дихотомии, Альтузий подразделил общественные объединения на партикулярные и универсальные. Партикулярные, в свою очередь, подразделяются на города и провинции, а универсальные определяются как содружества (*respublica*) или королевства (*regnum*). Партикулярные общественные объединения не обладают суверенитетом; напротив, универсальные обладают таковым»¹⁴. В монументальном юридическом трактате «Dicaeologica» Альтузий предпринимает попытку построения в контексте так называемого «современного римского права» (*heutige romisches Recht*) последовательной и стройной *системы права* на основе предложенных Рамусом методов логической дедукции и дихотомического деления объектов анализа. Предложенная немецким ученым в начале XVII в. методика систематизации юриспруденции, когда публичное и частное право трактовались как равноценные элементы системы, а правовой материал подразделялся на *общую* и *особенную* части, получила широкое распространение не только в отраслевых правовых науках, но и в структуре кодифицированных нормативных актов современного абстрактного права. Таким образом, примененный Альтузией для структурированной организации правовых норм и институтов *системный подход* обладал серьезными пер-

спективами в развитии методологии юридической науки и нисколько не потерял своей актуальности и в современном правоведении.

Одним из «отцов» современной философии права следует считать выдающегося нидерландского юриста и политического мыслителя, теоретика государства и права, основоположника рационалистического учения о естественном праве, а также (наряду с Ф. Витторией, Ф. Суаресом и А. Джентили) доктрины международного права Гуго Гроция (1583—1645)¹⁵. В своем вершинном юридическом труде «Три книги о праве войны и мира» («*De jure belli ac pacis libri tres*», 1625) Гроций (свидетель трагических событий Тридцатилетней войны) на широком историческом материале провел масштабное исследование норм и установлений как естественного права, так и права народов, сделав ряд теоретических обобщений и предложив на этой основе классификацию войн — на войны справедливые и несправедливые¹⁶. В методологическом аспекте Гроций ставит себе целью добиться наивысшей достижимой объективности познания, прибегнув к использованию *математической методы* в деле исследования феноменов этики, права и политики: «Признаюсь, что, говоря о праве, я отвлекался мыслью от всякого отдельного факта, подобно математикам, которые рассматривают фигуры, отвлекаясь от тел»¹⁷. В своем исследовании политики и права голландский ученый также широко использует *компаративный (сравнительно-правовой) метод*, хотя сопоставляет правовые нормы и политические обыкновения разных времен и народов не с точки зрения привычного нам юспозитивизма, а исходя из критериев юснатурализма.

Отметим, что утверждение нового международного правопорядка и установление стабильных государственных границ в Европе по Вестфальскому миру (1648), положившему конец разрушительной Тридцатилетней войне, создало реальные предпосылки для возникновения современной науки сравнительного правоведения. «Органоном» естественного права для рационалиста Гроция выступает разум (факт, доказывающий сродство идей

¹³ См.: The Cambridge History of Political Thought, 1400—1700 / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 2008. P. 290—291.

¹⁴ *Althusius J. Politica*. Indianapolis, 1995. P. XVIII—XIX.

¹⁵ См.: Hugo Grotius and International Relations / ed. by Bull H., Kingsbury B., Roberts A. Oxford, 1990. P. 65.

¹⁶ См.: *Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini*. Oxford, 2005. P. 51.

нидерландца с взглядами Цицерона), а высшей целью права оказывается справедливость — категория, бывшая фундаментальной еще для античной этики. «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим Богом, создателем природы»¹⁸. По мнению Гроция, принадлежность чего-либо к области естественного права доказывается либо «из первых начал» (a priori), либо «из вытекающих отсюда следствий» (a posteriori). Доказательство a priori заключается в обнаружении логическим путем соответствия данного правила разуму, а доказательство a posteriori обладает не совершенной достоверностью, но лишь некоторой вероятностью и состоит в обнаружении опытным путем всего того, что признается естественным правом у всех или по крайней мере у наиболее образованных народов¹⁹. В результате этих логических операций естественное право обращается у Гроция неким инвариантом (подобно умозаключениям в логике или формулам в математике), совершенно не зависящим не только от воли человека, но даже и от воли Божьей, поскольку естественное право столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом²⁰.

Своеобразный синтез эмпирического и рационалистического подходов предлагает в начале Нового времени великий британский философ и политический мыслитель реалистического направления Томас Гоббс (1588—1679), концепция политики которого может быть в равной мере трактована и как пацифистская, и как этатистская. Гоббс последовательно отстаивал тезис о принципиальной невозможности существования каких-либо нематериальных сущностей и выводил все явления природы и общества из движения материи. Мыслитель сводил нравственный детерминизм к физической каузальности, а также вводил механическую причинность в свой анализ этической и политической жизни индивида и общества, рассматривая социум как чисто

материальный объект. Слабость всех известных ему трактовок проблем политики и права видится Гоббсу в невозможности осуществления отвлеченного и незаинтересованного анализа политики, в отличие от «индифферентных» исследований в точных науках. «Вот чем объясняется, что учения о праве и несправедливости постоянно оспариваются как пером, так и мечом, между тем как учения о линиях и фигурах не подлежат спору, ибо истина об этих последних не затрагивает интересов людей, не сталкиваясь ни с их честолюбием, ни с их выгодой или вожделениями. Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»²¹. С общеметодологической точки зрения творческое наследие маститого англичанина представляет собой образец последовательного применения традиционного аппарата формальной логики (*дедуктивного метода* познания) к решению научных и философских проблем. Для важнейших общественно-политических работ Гоббса «Философские основания учения о гражданине» («*Elementa philosophica de cive*», 1642) и «Левиафан» («*Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*», 1651) характерно использование *исторического метода* познания, так как автор нисколько не чуждается «профанных» фактов всемирной истории, хотя и предпочитает апеллировать к «сакральным» текстам Св. Писания. Это обстоятельство вполне в духе британской истории XVI—XVII вв., когда все драматические события разворачивались в контексте религиозной идеологии и борьбы различных течений внутри протестантизма и их общего противостояния католической Контрреформации.

Широко распространенная и всесторонне разработанная в Новое время *теория общественного договора* приобретает в трудах Гоббса последовательно методологическое значение, позволяя исследовать механизм об-

¹⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 59.

¹⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 71.

¹⁹ См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 73.

²⁰ См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 72.

щественной жизни и в естественном (догосударственном) состоянии, и в состоянии политического бытия. Гоббс утверждает коренное отличие естественного права отдельных индивидов от естественных законов политически организованного общества, непосредственно проистекающее из предполагаемого «факта» заключения общественного договора. В этом контексте *естественное право* приобретает явно негативную коннотацию, ибо такое абсолютное право субъекта становится основанием естественного состояния, принципом которого оказывается пресловутая «*война всех против всех*» («*bellum omnium contra omnes*»), т.е. полное отсутствие любых гарантий безопасности индивидуального бытия, кроме самозащиты против насилия. *Естественные законы* (таковых мыслитель приводит общим числом два десятка), рождающиеся на свет в момент заключения общественного договора, напротив, становятся позитивным регулятором политического общества, а также гарантом социальной стабильности. Гоббс выделял из ряда вышеуказанных законов три фундаментальных. *Первый и основной естественный закон* таков: нужно искать мира всюду, где можно его сохранить; там, где мир сохранить нельзя, нужно искать помощь для ведения войны. Этот закон является основным постольку, поскольку все остальные происходят от него и указывают пути к достижению мира или защиты²². *Второй естественный закон* гласит, что в случае согласия на то других людей должно согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться той степенью свободы по отношению к другим людям, которую индивид допустил бы у других людей по отношению к себе²³. Данный закон является, с одной стороны, выражением «золотого правила» нравственности, предвосхищая категорический императив Канта, а с другой — устанавливает и обеспечивает право собственности, отсутствие которого в естественном состоянии становится причиной «войны всех против всех». *Третьим естественным законом* выступает требование неуклонного выполнения заключенных людьми соглашений (*pacta servanda sunt*), без

чего соглашения лишаются всякого значения и являются лишь пустыми звуками²⁴.

Для постижения сущности государства Томас Гоббс избирает специфический метод, предвещающий органический подход в социологических исследованиях известного британского представителя первого позитивизма Герберта Спенсера (1820—1903). Прообразом такого подхода становится уподобление государства организму искусственно созданного людским обществом гигантского человека, сделанное Гоббсом в экспозиции «Левиафана»: «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (*Commonwealth, or State*), полатины — *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная *душа*; должностные лица и другие *представители судебной и исполнительной власти* — *искусственные суставы*; *награда и наказание* (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к сидалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в естественном теле; *благополучие* и *богатство* всех частных членов представляют собой его силу; *salus populi, безопасность народа*, — его занятие; *советники*, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой *память*; *справедливость* и *законы* суть искусственный разум (*reason*) и *воля*; *гражданский мир* — *здоровье*; *смута* — *болезнь*, и *гражданская война* — *смерть*. Наконец, *договоры и соглашения*, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то “*fiat*” [да будет!], или “*сотворим человека*”, которое было произнесено Богом при акте творения»²⁵. Трактат Гоббса подводит читателя к мысли о том, что только публичная власть могущественного государства, а не благородство, великодушие или доброта частных лиц является единственно эффективным гарантом *самосохранения* человеческих

²¹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 72.

²² См.: Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 2001. С. 36.

²³ См.: Гоббс Т. Левиафан. С. 90.

²⁴ См.: Гоббс Т. Левиафан. С. 99.

существ: «Подчинение государству-Левиафану рождается из согласия договаривающихся, которое, в свою очередь, проистекает из стремления к спокойной и приятной жизни»²⁶. Подобная антропология, заметно сближающая Гоббса с античными стоиками, также считавшими самосохранение наивысшим благом жизни, зиждилась на той точке зрения, что природа изначально дорога сама себе, а жить по природе — значит, жить по разуму²⁷.

Конгениальным продолжателем, но во многом и принципиальным оппонентом политической философии Томаса Гоббса становится выдающийся британский мыслитель Джон Локк (1632—1704), творчество которого следует рассматривать в качестве принципиально новой страницы в истории учений о государстве и праве. С методологической точки зрения Дж. Локк развивает давнюю эмпирическую традицию английской мысли (Р. Бэкон, Ф. Бэкон), но привносит в нее момент сенсуализма, поскольку его гносеология находила воплощение в учении о душе (разуме) как «чистой доске» (*tabula rasa*), согласно которому нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в ощущениях²⁸. Сенсуалистический эмпиризм становится для Локка методологической основой адекватного восприятия теоретических проблем государства и права и выступает фундаментом его концепции политического реализма.

Джон Локк — всемирно признанный основоположник *либерального* направления в современной политической мысли. Принципиальной научной заслугой Локка, имевшей особое значение в отдаленной исторической перспективе, можно считать осуществленную им модификацию идеологического дискурса в политической мысли от принципа справедливости (реже равенства) к принципу свободы. В своей известной политико-философской работе «Два трактата о правлении» («Two Treatises of Government», 1689) Локк заимствует у Гоббса методологическую конструкцию общественного договора, но делает из этой гипотезы кардинально отличные выводы. Согласно предписаниям естественного права, человек уже в естественном (догосударственном) состоянии наделен властью оберегать свою

собственность, т.е. *жизнь, свободу и имущество*, от повреждений и нападений со стороны других людей, в чем он равен со всеми иными людьми, однако первобытный человек не обладал гарантиями соблюдения своих прав другими людьми. Локк полагает, что заключение общественного договора не только не прекращает действие естественных прав индивида, но только благодаря этому договору и происходит подлинная реализация прав уже в *политическом (или гражданском) обществе*, главной целью которого объявляется сохранение собственности. Законодательная, исполнительная, а вкупе и судебная функции публичной власти государства прямо произрастают из субъективного права индивида, находившегося во враждебной среде естественного состояния и вынужденного самостоятельно отстаивать свое право собственности. «Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, *находятся в гражданском обществе*; но те, кто не имеют такого общего судилища, я имею в виду — на земле, все еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, когда нет никого другого, сам является судьей и палачом, а это, как я уже показал, и есть совершенное *естественное состояние*»²⁹.

Джон Локк стал, пожалуй, первым представителем политико-правовой науки Нового времени, кто теоретически четко сформулировал базовые, неотчуждаемые (естественные) права человека, прибегнув для этой цели к обобщающей категории «собственность». Поскольку всякий человек в согласии с законом природы имеет субъективное право отстаивать свое *право собственности* (вобравшее в себя *право на жизнь, свободу и имущество*) как высшее благо, то именно обеспечение этого неотчуждаемого права становится важнейшей целью общественного договора, в результате заключения которого люди объединяются под властью государства и совершенноверяют свои судьбы в его могучие длани, получая взамен определенные гарантии своей безопасности³⁰. Тем не менее закон природы, устанавливающий меру

²⁵ Гоббс Т. Левиафан. С. 8.

²⁶ Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002. С. 74.

²⁷ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 294—295.

²⁸ См.: Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 154—155.

²⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 311.

свободы и подчинения личности самой природе либо обществу, не перестает действовать и в государственном состоянии, ибо только этот закон определяет как права человека, так и природу и пределы воздействия политической власти на человеческую личность и ее гражданские блага либо интересы. Право, по мнению Локка, — гарантия свободы и безопасности индивида и сохранения его собственности, ибо *ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества*³¹. Гражданское общество (или государство), согласно определению Локка, — это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ, к числу которых философ относил жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими как земли, деньги, утварь и т.д.³² Симптоматично, что если для политического либерала Локка собственность представлялась наивысшим благом и главной целью общественного бытия, то всего лишь полвека спустя для эгалитариста Руссо это благо оборачивалось уже величайшим злом, поскольку для женевского мыслителя собственность есть корень всех социальных бед, а главное — неравенства³³.

Либеральное мировоззрение становится фундаментом политико-правовой концепции выдающегося французского правоведа и крупного политического мыслителя, создателя классической теории разделения властей Шарля Луи де Монтескье (1689—1755). Философское творчество Монтескье — видного деятеля эпохи Просвещения, оказавшего принципиальное влияние на идеологию французской буржуазной революции, находилось под сильным воздействием британской общественно-политической мысли и не в последнюю очередь под влиянием идей корифеев политического реализма Гоббса и Локка. В отличие от Гоббса, строившего свое учение о государстве преимущественно на дедуктивном методе и не всегда учитывавшего фактическую сторону действительности, Монтескье (бывший также естествоиспытателем) пытается двигаться в своем научном исследовании путем индукции, в силу чего стремится делать теоретичес-

кие выводы и обобщения исходя из доступных ему эмпирических фактов. Мыслитель выдвигает в качестве методологического ядра своей концепции мультиаспектную категорию «духа законов», которая находится в непосредственной зависимости от понятия «духа народов», включающего в себя множество разнообразных факторов действительности, влияющих на политические и правовые институты цивилизованных народов. В самом значительном труде — трактате «О духе законов» («De L'Esprit des Lois», 1749) Монтескье к числу таких факторов относил географическое расположение государства, размер территории, особенности климата, структуру ландшафта, качество почв, форму правления. В главе II четырнадцатой книги «Насколько люди различны в различных климатах» автор приводит доказательства того, что «дух народа» является производным от природных факторов и что, следовательно, всякий разумный законодатель действует в конечном счете в соответствии с естественной средой, окружающей человека. Эмпирическая «социология» Монтескье оказывает непосредственное влияние на его политическую философию. Так, народы жарких климатов, по мнению французского просветителя, робки, как старики, а народы холодных климатов отважны, как юноши. Если в холодных климатах люди крепче, нравственнее, уравновешеннее, то в жарких странах народы отличаются чувственностью, ибо они стремятся к необузданным наслаждениям. В жарком климате человеческое тело чувствует себя подавленным, причем подавленность переходит и на душу и по этой причине южанин ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни к какому благородному деянию, ни к какому великодушию и все его склонности приобретают пассивный характер. Житель юга скорее предпочтет выносить наказания, чем станет принуждать себя к деятельности духа, причем рабство представляется ему более легким, нежели усилие разума, необходимое для того, чтобы управлять самим собой. Иная картина, утверждает Монтескье, в странах с умеренным климатом, и всячески идеализируя английскую монархию (в гл. XIII), мыслитель выводит ее политические достоинства из климата Британских островов³⁴.

³⁰ См.: Waldron J. God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002. P. 126.

³¹ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 316—317.

³² См.: Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 94.

³³ См. подробнее: Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении неравенства // Трактаты. М., 1969. С. 72.

Подобно Суаресу, Джентили, Гроцию или Пуффендорфу, Монтескье в своем теоретическом исследовании права широко применяет *сравнительно-правовой (компаративный) метод*, рассматривая правовые установления разных времен и народов на основе их сравнительного анализа. Многие современные специалисты считают Монтескье родоначальником науки сравнительного правоведения, поскольку он считал правовую норму не абстракцией, а реальностью, которая должна быть исследована в контексте исторического развития³⁵. В своих произведениях мыслитель систематически обращается к использованию и *исторического метода* познания, так как ставит правовые нормы и политические институты в непосредственную зависимость от конкретных исторических условий данного общества, в чем его эмпирическая методология познания предвосхищает формационный подход диалектического материализма. Всеобщие законы истории определяются также комплексом социальных факторов: производством, собственностью, принципами правления, обычаями и религией. Подчеркивая объективный характер некоторых основополагающих законов общественного развития, Монтескье рассматривает их как извечно существующие законы природы, продолжающие действовать и в человеческом обществе. Французский мыслитель выступает одним из ранних представителей географической теории общественного развития («географический детерминизм»), т.е. считает ландшафт и климат решающей причиной возникновения и существования самых разнообразных форм организации институтов публичной власти и законодательства. В своей ранней работе «Персидские письма» («Lettres Persanes», 1721) Монтескье находит причину всех общественных неурядиц в недостатках правовых законов, поскольку большинство законодателей были людьми ограниченными, только случайно поставленными во главе других и не считавшимися ни с чем, кроме своих предрассудков и фантазий³⁶. В трактате «О духе законов» Монтескье дает меткую характеристику объективной основы законов как необходимых отношений, вытекающих из самой природы вещей. Вместе с тем

Монтескье, как и другие мыслители Просвещения, нередко видит в социальных законах продукт произвольной, субъективной деятельности законодателей, ибо смешивает закон как юридическую категорию с объективно существующими законами общественного бытия, не зависящими от воли и сознания людей, поэтому в его трудах немало субъективистских определений закона. В главе III первой книги «О духе законов» Монтескье (скорее в контексте традиций рационализма, а не эмпирической методологии) утверждает, что закон — это человеческий разум, управляющий народами Земли, а политические и гражданские законы всего лишь частные случаи приложения этого разума. Еще более субъективистскими выглядят рассуждения автора в ряде глав девятнадцатой книги трактата, посвященных анализу патриархальной природы китайского государства, где главной целью законодателей провозглашалось спокойствие империи, а лучшим средством для этого оказывается всеобщее подчинение повелениям власти, хотя в таком подходе можно усмотреть некоторое предвосхищение подходов юридического позитивизма³⁷.

Своего наивысшего развития правовая мысль Нового времени достигает в трудах выдающихся представителей немецкой классической философии: И. Канта, И.-Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля. Творчество данной группы философов следует рассматривать как апогей развития того (берущего начало в учении Декарта) рационалистического направления мысли, в котором человеческий разум объявлялся потенциально способным познать (частью эмпирически, частью интуитивно) все тайны мироздания. Однако рационализм немецких мыслителей далек от гносеологического оптимизма Декарта, ибо, пройдя через горнило пессимистического агностицизма и скептицизма Просвещения (Беркли, Юм), рационалистический подход Канта и его последователей пытается указать точные границы человеческому познанию. В ряде своих работ, посвященных проблемам этики и права («Основы метафизики нравственности», 1785; «Критика практического разума», 1788; «Метафизика нравов», 1797), создатель «критической философии»

³⁴ См. подробнее: Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 198—209.

³⁵ См.: Теория государства и права : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2007. С. 315.

³⁶ Монтескье Ш.-Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 208.

Иммануил Кант (1724—1804) предпринимает анализ этических и правовых феноменов (в их дифференциации и взаимосвязи) как сферы морального и легального, сущего и должного. Субъективный идеализм Канта методологически детерминирует особую этику автономной человеческой личности, в основу нравственного поведения которой должен быть положен категорический императив. Практический аспект категорического императива является претворением повсеместно известного «золотого правила» этики: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»*³⁸. Если правовой закон соблюдается в силу внутреннего убеждения лица, сознательно следующего категорическому императиву, то речь идет о *моральном* поведении; если правовой закон соблюдается под влиянием мотивов, не связанных с категорическим императивом (выгода, корысть, страх и т.п.), — речь идет о *легальном* поведении. Кантовское определение права является, пожалуй, кульминацией либеральной юридической мысли эпохи Просвещения и дает теоретическую основу для понимания права как осуществленной свободы автономной личности: «Итак, право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»³⁹.

В своем последовательно либеральном правопонимании Кант отделяется от классического античного понимания права как юридического воплощения справедливости и, придерживаясь вектора, заданного работами Локка и Монтескье, видит в праве осуществление свободы. Свободу человеческого индивида Кант относил к ноуменальной сфере, которая не может быть непосредственно познана разумом, однако фактическая сторона этой свободы складывается в сфере феноменов и открывается нам в виде реальных общественных отношений. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант утверждает: «Какое бы представление в метафизическом

смысле мы не составили себе относительно понятия *свободы воли*, все же ее *проявления*, человеческие действия, точно так же, как и всякое другое природное явление, определяются всеобщими законами природы»⁴⁰. В целом принимая теорию общественного договора, Кант оспаривал тезис Гоббса о том, что глава государства в своих отношениях к народу никаким договором не связан и не может причинить гражданам несправедливость (как бы он ни распоряжался властью). «Во всяком обществе необходимо *повиновение* механизму государственного устройства по принудительным законам (имеющим в виду целое), но вместе с тем необходим и *дух свободы*, так как в делах, касающихся общечеловеческого долга, каждый желает убедиться разумом, что такое принуждение правомерно, ибо иначе он впадает в противоречие с самим собой»⁴¹.

Находясь под влиянием демократических взглядов Ж.-Ж. Руссо, хотя и не разделяя его радикального эгалитаризма, Кант довольно непоследовательно называл лучшей формой правления (но не формой государства!) республику, под которой он понимал скорее конституционную монархию, нежели «общее дело» и народовластие. Кенигсбергский мыслитель непосредственно подошел к идее правового государства, т.е. такого государства, деятельность которого является связанной правовыми законами: «Государство (*civitas*) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам»⁴². Заметный вклад был внесен Кантом и в теорию международного (публичного) права, где им был предложен свой вариант проекта установления «вечного мира» в отношениях между европейскими государствами (идея Европейской Республики принадлежала аббату Ш. де Сен-Пьеру и Ж.-Ж. Руссо), а трактат философа «К вечному миру» (1795) стал одним из теоретических источников пацифистского движения.

Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814), создатель оригинальной философской доктрины (притязавшей, по мнению мыслителя, на роль всеобщей методологии научного познания) — «наукоучения», на протяжении всей своей

³⁷ См.: Монтескье Ш.-Л. О духе законов. С. 268.

³⁸ Кант И. Основы метафизики нравственности / Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 270.

³⁹ Кант И. Метафизика нравов. М., 2007. С. 75.

⁴⁰ Кант И. Сочинения. Т. 1. Трактаты и статьи (1784—1796). М., 1994. С. 81.

⁴¹ Кант И. О поговорке «может быть, это верно в теории, но не годится для практики» // Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 97.

творческой деятельности уделял самое серьезное внимание проблемам государства и права. В своих политико-правовых работах («Основа естественного права согласно принципам наукоучения», 1796; «Замкнутое торговое государство», 1800; «Учение о праве», 1812, «Учение о государстве», 1813) философ осуществляет анализ государства и права с точки зрения доктрины юснатурализма. Естественное право, которое у Фихте приближается к современному пониманию права субъективного, эксплицируется из «чистых форм разума» автономной личности и конституируется на основе взаимного признания индивидами личной свободы каждого из них. «Оказывается, что при этом мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также могли быть во внешнем отношении свободны. А это и есть понятие права»⁴³. Фихте, придерживавшийся либеральных и демократических взглядов, находил в естественном праве обоснование для утверждения политических прав и свобод личности и, по-видимому, именно ему принадлежит научный приоритет в употреблении понятия «правовое государство»⁴⁴. Философ видел в государстве средство достижения идеального общественного строя, при котором люди, вооруженные научно-техническими достижениями цивилизации, решают практические задачи повседневности с минимальными затратами времени и сил, располагая досугом для размышления над проблемами духа и бытия. В политическом учении Фихте причудливо переплетались прогрессивные и консервативные черты, в частности, в теоретической концепции «замкнутого», но правового государства: «Правовое (juridische) государство является замкнутой совокупностью множества людей, подчиненных одним и тем же законам и одной и той же высшей принудительной власти»⁴⁵.

Среди выдающихся творческих достижений Г.В. Ф. Гегеля далеко не последнее место зани-

мает идеалистическая политико-правовая концепция, изложенная им в работе «Философия права» (1821). Для Гегеля, принципиально не отступавшего от либерального правопонимания эпохи Просвещения, идеей права является свобода, поскольку «право состоит в том, что наличное бытие вообще есть *наличное бытие свободной воли*»⁴⁶. С точки зрения диалектического метода Гегеля право подразделяется на абстрактное право (тезис), моральность (антитезис) и нравственность (синтез), т.е. нравственность представляет собой завершающий этап развития объективного духа. *Абстрактное право* — сфера частной собственности, формальной свободы и абстрактного добра. Каждый обладает правом владеть вещами (собственность), вступать в соглашения с другими людьми (договор) и требовать восстановления своих прав в случае их нарушения (неправо и преступление). *Мораль* — это сфера реальной свободы, а также умение отличать законы от нравственного долга. *Нравственность* есть сфера практической свободы, субстанциональной конкретности воли, возвышающейся над субъективным мнением и желанием, т.е. умение следовать нравственному долгу в рамках законов. Непосредственными воплощениями нравственности являются, по Гегелю, семья, гражданское общество и государство. Если в *семье* (тезис) единичное связывается в целое через чувство и существует примат целого над единичным, то в *гражданском обществе* (антитезис) единичное связывается в целое на основе рационального размышления и признания приоритета интересов индивида, а в *государстве* (синтез) общее существует на основе разумного понимания и признания приоритета общего интереса над единичным, т.е. над интересом индивида. Приоритет общего интереса над частными интересами является очевидным отражением гегелевского этатизма, поскольку философ просто обожествил институт государства, в котором он узрел «шествие Бога в мире»⁴⁷!

⁴² Кант И. Метафизика нравов. С. 170.

⁴³ Фихте И.-Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М., 2014. С. 13.

⁴⁴ Автором термина «правовое государство» (Rechtsstaat) принято считать представителя немецкого либерализма К. Т. Велькера (1813), однако ввел в научный оборот данный термин и осуществил его правовой анализ единомышленник Велькера Р. фон Мольте.

⁴⁵ Фихте И.-Г. Замкнутое торговое государство. М., 2010. С. 5.

⁴⁶ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 84.

⁴⁷ См.: Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 326.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новое время выступает периодом революционных преобразований в развитии практически всех аспектов культуры Запада и не в последнюю очередь в области науки и философской мысли. Происходившие изменения глубоко затронули методологию познания в естественно-научной сфере, особенно в науках физико-математического цикла (механика), не обойдя стороной и сферы гуманитарных знаний. Методологическая матрица, складывавшаяся в Новое время трудами выдающихся ученых и мыслителей — представителей рационалистического и эмпирического направлений, остается в основных своих моментах актуальной и в наши дни. Рассматриваемый период был ознаменован стремительным развитием познавательных средств в натурфилософии, особенно в области механической науки, и механицизм методологически довольно сильно повлиял на науки гуманитарного цикла, уже начавших свое самостоятельное развитие, но сильно отстававших тогда от уровня развития естествознания. Новое время дает импульс к формированию научного познания современного типа, которое приобрело институциональный характер и промышленный размах, став важнейшим внеэкономическим фактором промышленной революции на Западе, открывшей дорогу научно-техническому прогрессу и индустриальному производству Новейшего времени. Наступление Нового времени также связывается и с коренной ломкой традиционных представлений в идеологической сфере, которая перестала быть монополией религиозного мировоззрения и миропонимания, а становится полем ожесточенной полемики представителей светской мысли, отразившей факт формирования новой секуляризованной идеологии эпохи Просвещения. «Словом, революционность переворота в умах в XVI—XVIII веках, о колоссальном этическом подтексте которого надо помнить всегда, далеко не исчерпывалась одним только “информативным” аспектом (количественное накопление новых знаний о мире). Ведь освобождавшиеся науки на языке философских аксиом, теорем, математических символов высказывали идеи, которые позволяли человеку не только подняться на новую ступень в постижении природы, но и себя самого понять по-новому. Бунт разума был гуманистичен в высоком смысле слова. В афориз-

ме Бэкона “Знание — сила”, в аксиоме Декарта “Я мыслю, следовательно — существую”, в положении Лейбница о том, что любая монада (от низших вплоть до самой совершенной, т.е. Бога) является “живым зеркалом Вселенной”, содержались черты принципиально иной (по сравнению со средневековой) концепции человека. Что же касается истории собственно научного мышления, то здесь величайшим завоеванием стали размышления о методе познания Бэкона, Декарта, Ньютона»⁴⁸.

Юриспруденция в Новое время переживает переломный момент, непосредственно связанный с произошедшей в ту эпоху сменной парадигм в сфере правовой идеологии: приоритет принципа справедливости (либо равенства) сменяется приоритетом принципа свободы, т.е. идея права перемещается в пространство либерального дискурса. Традиционно заслуга этого идеологического переворота приписывается британскому философу, классику либеральной политической мысли Дж. Локку, хотя у него, разумеется, был ряд предшественников, постепенно подготовивших этот качественный перелом в идеологической сфере Нового времени (Ф. Суарес, Г. Гроций, Т. Гоббс и др.). Идея права как идея осуществленной свободы находит свое наивысшее выражение в политико-правовом наследии представителей классической немецкой философии: И. Канта, И.-Г. Фихте, Г.В. Ф. Гегеля. Примерно в это же время происходит процесс постепенного перехода нормативного материала законодательства от казуистического к абстрактному состоянию — процесс, который в Новое время затронул многие европейские страны («Каролина» в Германии, «Артикул воинский» в России, «Кодекс Наполеона» во Франции и др.). Этот процесс протекал под перекрестным теоретическим воздействием юридических дисциплин переживавших в тот период процесс дифференциации: римского права, философии права и общей теории права, а также формирующихся в то же время отдельных отраслевых правовых наук. Методологическая матрица юриспруденции, испытывавшая в Новое время оплодотворяющее воздействие со стороны как рационалистической, так и эмпирической эпистемологии, обогащается использованием многих методов, ряд которых был известен еще со времени Античности, однако пока не находил применения

⁴⁸ Лебедев Е. Н. Ломоносов. М., 1990. С. 144.

в контексте юридической науки. Кроме того, в этот период ряд правоведов делает первые шаги к математизации методов правовой науки, хотя эти попытки в то время и не привели к заслуживающим упоминания результатам. Гораздо более продуктивным было применение традиционного для наук гуманитарного цикла формально-логического метода, а также тесно с ним связанных исторического метода и системного метода (подхода). Чрезвычайно успешным оказывается применение системного подхода, выступившего основой для процедуры широкомасштабной систематизации юридических знаний, что стало в частности методической базой для составления появившихся в Новое время универсальных юридических

компендиумов — энциклопедий права. Среди специально-юридических методов познания особое значение в ту эпоху приобретает сравнительно-правовой метод, применяя который исследователь производит сопоставление свойств различных политико-правовых систем (правовых семей) и отдельных институтов (категорий, принципов, норм) в целях выявления черт сходства либо различия между ними. Подытоживая вышеизложенное можно с уверенностью утверждать, что в период Нового времени современный методологический аппарат юриспруденции был в основном уже сформирован и стал когнитивным фундаментом для нарождавшихся теоретических и отраслевых юридических дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бейль П. Исторический и критический словарь : в 2 т. — М., 1968. — Т. 2.
2. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. — М., 2002.
3. Бернал Д. Наука в истории общества. — М., 1956.
4. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. — М., 1972. — Т. 2.
5. Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. — М., 2000.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. — СПб., 1993.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М., 2007.
8. Гоббс Т. Левиафан. — М., 2001.
9. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. — М., 2001.
10. Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1994.
11. Декарт Р. Избранные произведения. — М., 1950.
12. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1979.
13. Кант И. Метафизика нравов. — М., 2007.
14. Кант И. Сочинения. — М., 1994. Т. 1. Трактаты и статьи (1784—1796).
15. Кант И. Сочинения : в 6 т. — М., 1965. Т. 4. Ч. 1, 2.
16. Лебедев Е. Н. Ломоносов. — М., 1990.
17. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. — М., 1985. — Т. 1 ; М., 1988. — Т. 3.
18. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. — М., 1999.
19. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. — М., 2002.
20. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969.
21. Теория государства и права : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. — М., 2007.
22. Тургенев И. С. Отцы и дети // Классики и современники. Русская классическая литература. — М., 1985.
23. Фихте И.-Г. Замкнутое торговое государство. — М., 2010.
24. Фихте И.-Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. — М., 2014.
25. Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. — М., 2017.
26. Фролова Е. А. Проблемы теории и философии права : монография. — М., 2015.
27. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. — М., 2000.
28. Althusius J. Politica. — Indianapolis, 1995.
29. Hugo Grotius and International Relations / ed. by Bull H., Kingsbury B., Roberts A. — Oxford, 1990.
30. The Cambridge History of Political Thought, 1400—1700 / ed. by J. H. Burns. — Cambridge, 2008.
31. Waldron J. God, Locke, and Equality. — Cambridge, 2002.
32. Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. — Oxford, 2005.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2018 г.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE JURIDICAL SCIENCE IN THE NEW TIME (1600-1850)

GALKIN Ivan Viktorovich – PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
galckynvanya@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to methodological peculiarities of legal thought and juridical science in the New Time (about 1600—1850). The New Time is a turning point not only in the history of the whole world civilization, but also in the history of philosophical knowledge and positive sciences as well as in the history of methodology emerging and functioning at the interface of philosophy and science. Methodology is a philosophical discipline that establishes effective methods, approaches, methods of cognition and tools necessary for the implementation of scientific research, including the field of the juridical science. The main goal of methodology is to organize and regulate cognition as a purposeful process of obtaining and processing new and reliable scientific facts. Particular significance of the New Time for the development of methodology lies in the fact that it was at this historical stage that the fundamental principles of the methodological matrix of scientific knowledge were developed, since science then acquires the functions of a system and systematic production of knowledge on the basis of a comprehensive empirical study carried out in compliance with reality. The New Time gave impetus to the formation of scientific knowledge of a modern type that acquired an institutional character and industrial scale and became the most important non-economic factor in the industrial revolution in the West, opening the way for scientific and technological progress and industrial production of the Newest Times. The New Time was the period when, due to the theoretical efforts of thinkers and jurists, the general methodological basis that continues to exist at the present stage of its development was established. At the same time, the formation of separate branches of law was initiated: philosophy of law, law encyclopedias, a little later—the general theory of law, as well as the theoretical aspect of certain branches disciplines. In the context of methodology of jurisprudence, two opposing tendencies that competitively coexisted in the philosophical discourse of the New Time can be differentiated, namely: rationalistic and empirical approaches. A methodological matrix of jurisprudence that was influenced by both rationalistic and empirical epistemology is enriched by the use of many methods, some of which has been known since Antiquity, but have not been applied in the field of the juridical science. Thus, the article highlights a rather ambiguous problem of methodological foundations of the cognitive sphere of modern jurisprudence.*

Keywords: *civil society, natural law, historical method, logical method, methodology, New Time, social contract, rule of law, principle of freedom, principle of justice, systematic approach, comparative legal method.*

REFERENCES

1. *Beyle P. Istoricheskiy i kriticheskiy slovar: v 2 t. [Historical and Critical Dictionary: in 2 volumes]. Moscow, 1968. Vol. 2.*
2. *Beneton F. Vvedenie v politicheskuyu nauku [Introduction to Political Science]. Moscow, 2002.*
3. *Bernal D. Nauka v istorii obshchestva [Science in the history of society]. Moscow, 1956.*
4. *Bacon F. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 volumes]. Moscow, 1968. Vol. 2.*
5. *Gaidenko P.P. Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoy [History of the New European philosophy in its connection with science]. Moscow, 2000.*
6. *Hegel G. V. F. Filosofiya istorii [Philosophy of History]. St. Petersburg, 1993.*
7. *Hegel G. V. F. Filissofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow, 2007.*
8. *Hobbes T. Leviathan. Moscow, 2001.*
9. *Hobbes T. Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine [Philosophical foundations of the doctrine of a citizen]. Moscow, 2001.*
10. *Grotius G. O prave voyny i mira [On the Law of War and Peace]. Moscow, 1994.*
11. *Descartes R. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, 1950.*
12. *Diogenes of Laertius. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov [On the life, teachings and sayings of the famous philosophers]. Moscow, 1979.*

13. *Kant I.* Metafizika нравов [Metaphysics of morals]. Moscow, 2007.
14. *Kant I.* Works. Moscow, 1994. Vol. 1. Traktaty i stati (1784—1796) [Treatises and articles (1784—1796)].
15. *Kant I.* Sochineniya : v 6 t. [Works : in 6 volumes]. Moscow, 1965. Vol. 4. Part 1, 2.
16. *Lebedev E. N.* Lomonosov. Moscow, 1990.
17. *Locke J.* Sochineniya : v 3 t. [Works : in 3 volumes]. Moscow, 1985. Vol. 1 ; 1988. Vol. 3.
18. *Montesquieu Sh.-L.* O dukhe zakonov [On the spirit of the laws]. Moscow, 1999.
19. *Montesquieu Sh.-L.* Persidskie pisma. Razmyshleniya o prichinakh velichiya i padeniya rimlyan [Persian letters. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans]. Moscow, 2002.
20. *Rousseau J.-J.* Traktaty [Treatises]. Moscow, 1969.
21. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk dlya vuzov [Theory of the State and Law: Textbook for higher schools]. O.V. Martyshin (Ed.). Moscow, 2007.
22. *Turgenev I.S.* Otsy i deti [Fathers and Children]. Klassiki i sovremenniki [Classics and Contemporaries Series]. Russkaya klassicheskaya literatura Publ., Moscow, 1985.
23. *Fichte I.-G.* Zamknutoe torgovoe gosudarstvo [Closed commercial state]. Moscow, 2010.
24. *Fichte I.-G.* Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya [The basis of natural law according to the principles of science teaching]. Moscow, 2014.
25. *Frolova E.A.* Metodologiya i filosofiya prava: ot Dekarta do russkikh neokantiantsev [Methodology and Philosophy of Law: from Descartes to the Russian Neo-Kantians]. Moscow, 2017.
26. *Frolova E.A.* Problemy teorii i filosofii prava : monografiya [Problems of the theory and philosophy of law: Monograph]. Moscow, 2015.
27. *Shapovalov V.F.* Osnovy filosofii. ot klassiki k sovremennosti [Fundamentals of Philosophy. From classics to modern times]. Moscow, 2000.
28. *Althusius J.* Politica. Indianapolis, 1995.
29. Hugo Grotius and International Relations. Ed. by Bull H. , Kingsbury B. , Roberts A. Oxford, 1990.
30. The Cambridge History of Political Thought, 1400—1700. Ed. by J.H. Burns. Cambridge, 2008.
31. *Waldron J.* God, Locke, and Equality. Cambridge, 2002.
32. *Wight M.* Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford, 2005.